

ОВИДИЙ

"Киммерман печальная страна",
куда он выслан цезаря указом.
На север — Истра плоская волна
И низкий берег в топиях непролазных,
С востока — море стылого валы.
Оно звалось у древних Морем мрака.
Обломки кораблей на отмели белы,
Осколки амфор, крытых черным лаком.
Да и зачем они? Не жалуют здесь вин.
Кумыс сарматы мрачные приносят.
Здесь летом пыль безрадостных равнин
Сад засыпает чахлый, низкорослый.
Когда Борей завоюет, и стеклом
Предстанут беглые растекшиеся воды,
Щелястый выстудится из самана дом,
Он вспомнит Рим и тот горячий полдень,
В котором в тонкой скользкой кисее,
Как сон, Коринна притекла бесшумно.
Не жизнь мрачна — жестоко бытие,
Сквозь эту жизнь сквозящее угрюмо.
Не рассуждающий его железный лязг,
Где звон закона и мечей бряцанье,
Юпитеровой молнии зигзаг,
Ударившей скалу под основанье.

Письма за океан

Н. Ханенко

I

По ту сторону океана
Вряд ли голос тебя достанет —
Слишком дальний он этот вест

Так во сне происходит бредовом
Губы сжаты сухи и бескровны
И ни звука, ни всхлипа окрест

Что развязано разве свяжешь?
Белой краскою вьюга мажет
На причале сиротском суда

И как будто бы все понимаешь —
От чего же тоска такая
Над шугою декабрьского льда

Брошу черствую черную корку,
Чайка выхватит хлебец прогорклый —
Поминальный обряд в порту

А суда постоят и завоют,
(сердце тронет тоскою ледяною)
и уйдут, пропадут в пустоту

II

Потерянное сердце

Кашеевой иглою с обломанным концом
То вздрогнет то замрет
На севере пустом уже который год
Отсутствующий стук так странно ощущать
Как рыбы за стеклом мы открываем рты
Как трудно передать значение пустоты
Когда так тесен мир
Трещит ночной эфир
И этой полной
Как меловой чертой
Мне метит круг судьба
В котором нет тебя

Весна в Мисхоре

"Красные крыши". Провинция, Юг
Я вдали от волнений, я в ссылке
Разорван горами замкнутый круг
Страсти надрывной и пылкой

Здесь на юге весна с февраля
(снега не было и в помине),
от расцветшего миндаля
запах чужой, беспричинный

он не связан с прошлым никак —
Метафора дальних путей караванных
постылой свободы заманчивый знак,
последние главы романа

только к северу, за пограничным хребтом
призрак страсти маячит несытый
с набеленным застывшим лицом,
мною ничуть не забытым

Из Асклепиада

"Долгая ночь в середине зимы
И заходят гиады
Я у порога дрожу,
Вымокший весь под дождем"

Асклепиад

Середина зимы и заходят Гиады
Войлоком двери обиты: стучи — не стучи
Гонишь, жестокая, Асклепиада,
А ведь ему без того так бесприютно в ночи

Холодом веет Борей, продувает
Твой полинявший хитон шерстяной
Пеной обведена береговая
Линия бухты пустой

В доме безжалостной девы — жаровни
Тело ее укрывают меха
Ты эфемерной, почти безосновной
Тканью опутан, окутан стиха

Только ведь нам книгочеям пристрастным
Ясно, что слово превыше всего
Неужели он думал той ночью ненастной
Об искусстве, нетленности, славе его?

Ю. Михайлику

Когда в ту сторону, где юг,
в страну нелепых антиподов
один старинный друг, не друг —
не знаю, как сказать сегодня.

Да что тут скажешь — пустота...
Как будто ветром город выдут.
Не то уехал он шутя,
не то был выслан, как Овидий.

И на далеком берегу, на острове — материке,
он вспоминает Поит Эвксинский,
и ветер с ласкою сестринской
он ощущает на щеке.

И то, что ветер тот принес
зачем-то сманивает, тянет
туда, где дребезжит норд-ост
на дебаркадерах Фонтана.